

ГИЛБЕРТ ЧЕСТЕРТОН

УБИЙСТВО НА
СКОРУЮ
РУКУ

Часть сборника: Настоящий английский детектив. Собрание лучших историй

Отец Браун

Гилберт Честертон
Убийство на скорую руку

«ЭКСМО»

1933

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Честертон Г. К.

Убийство на скорую руку / Г. К. Честертон — «Эксмо»,
1933 — (Отец Браун)

«Эту загадочную историю о странных незнакомцах до сих пор помнят на узкой прибрежной полоске Сассекса, где сад большой и тихой гостиницы «Майский шест и гирлянда» смотрит прямо на море. В тот солнечный денек в гостиницу зашли два несуразных субъекта. Один из них был замечен издали хотя бы тем, что носил блестящий на солнце зеленый тюрбан, водруженный над загорелым лицом с черной бородой. Другой выглядел еще более нелепо: желтоусый, с львиной гривой волос соломенного цвета, он носил мягкую черную шляпу священника...»

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Честертон Г. К., 1933
© Эксмо, 1933

Гилберт Кит Честертон Убийство на скорую руку

Эту загадочную историю о странных незнакомцах до сих пор помнят на узкой прибрежной полоске Сассекса, где сад большой и тихой гостиницы «Майский шест и гирлянда» смотрит прямо на море. В тот солнечный денек в гостиницу зашли два несуразных субъекта. Один из них был замечен издали хотя бы тем, что носил блестящий на солнце зеленый тюрбан, водруженный над загорелым лицом с черной бородой. Другой выглядел еще более нелепо: желтоусый, с львиной гривой волос соломенного цвета, он носил мягкую черную шляпу священника. Его довольно часто видели проповедующим на пляже или дирижирующим деревянной палочкой на выступлениях хора общества трезвости; впрочем, он действительно никогда не входил в бар при гостинице. Прибытие этих необычных попутчиков было кульминацией истории, но не ее началом, поэтому ради того, чтобы тайное стало более или менее явным, лучше вернемся к началу.

За полчаса до того, как два примечательных субъекта вошли в гостиницу, где были замечены всеми, два других очень незаметных человека появились там же, оставшись совершенно незамеченными. Один из них был крупным мужчиной, привлекательным на тяжеловесный манер, но умевшим сливаться с окружающим, становясь частью фона. Лишь тщательный осмотр его обуви мог бы подсказать, что это полицейский инспектор в штатском, причем одетый весьма непритязательно. Другой, невзрачный коротышка, был облачен в поношенный наряд католического священника, но *его* никто не видел проповедующим на пляже.

Эти путники тоже оказались в просторной курительной комнате с баром по причине, определившей дальнейшие события этого трагического дня. Дело в том, что уважаемая гостиница под названием «Майский шест и гирлянда» находилась в состоянии ремонта. Те, кто любил ее в прошлом, были более склонны считать это надувательством или даже надругательством. Местный ворчун мистер Рэгли, эксцентричный пожилой джентльмен, потягивавший в углу вишневу наливку и цедивший ругательства, определенно придерживался такого мнения. Так или иначе, гостиницу тщательно избавляли от всех случайных признаков английского постоялого двора и деловито превращали – ярд за ярдом и комнату за комнатой – в нечто напоминающее безвкусные хоромы левантийского ростовщика из американского кинофильма. Иными словами, ее «отделывали», но единственная часть, где отделка была завершена и где посетители могли чувствовать себя удобно, представляла собой большую комнату, выходившую в прихожую. Ранее она носила почтенное название «трактир», а теперь загадочным образом стала «салуном», хотя по виду больше напоминала азиатскую кофейню. В новом убранстве преобладали восточные украшения: там, где раньше висели ружья, эстампы со сценами охоты и чучела рыб за стеклянными витринами, теперь красовались фестоны восточной драпировки, скимитары, кривые индийские сабли и ятаганы, словно владелец неосознанно готовился к появлению джентльмена в тюрбане. В действительности же немногочисленных посетителей приходилось препровождать в эту залу, потому что все остальные, более обжитые и уютные уголки гостиницы еще не были готовы к приему гостей. Возможно, поэтому даже редкие посетители не получали должного внимания, поскольку управляющий и его помощники были заняты другими хлопотами. Так или иначе, поначалу двум путешественникам пришлось некоторое время ждать в одиночестве.

Бар оказался совершенно пустым, и инспектор нетерпеливо звонил в колокольчик и стучал по стойке, но маленький священник опустился на скамейку и не выказывал никаких признаков спешки. Обернувшись, полисмен заметил, что лунообразное лицо его друга стало

совершенно бесстрастным, как это иногда случалось; казалось, он пристально вглядывается в недавно украшенную стену через свои круглые очки.

– Могу предложить монетку за ваши мысли, – со вздохом сказал инспектор Гринвуд, отвернувшись от стойки, – раз уж никто не хочет брать мои монеты в обмен на другой товар. Похоже, это единственная комната во всем доме, где нет стремянки и ведер с побелкой, и здесь так пусто, что нет даже мальчишки-разносчика, который подал бы мне кружку пива.

– О, мои мысли не стоят ни пенса, не говоря уже о кружке пива, – ответил священник и протер очки. – Не знаю уж почему... но я думал о том, как легко здесь было бы совершить убийство.

– Как мило с вашей стороны, отец Браун, – добродушно произнес инспектор. – Вы видели больше убийств, чем положено любому священнику, а мы, бедные полицейские, коротаем время в ожидании хотя бы одного. Но почему вы решили... Ага, я вижу, вы рассматриваете все эти турецкие сабли и кинжалы на стене. Здесь много предметов, с помощью которых можно совершить убийство, если вы это имеете в виду. Но не больше, чем в любой обычной кухне: разделочный нож или кочерга тоже подойдут. Дело же не в орудии, а в намерении.

Отец Браун как будто собрался с разбегающимися мыслями и что-то промямлил в знак согласия.

– Убийство – это всегда просто, – продолжал инспектор Гринвуд. – На свете нет ничего проще. Я могу убить вас прямо сейчас с большей легкостью, чем достать выпивку в этом проклятом баре. Единственная трудность в совершении убийства – не выдать себя. Для нас беда в том, что убийцы очень застенчивы, а глупая скромность мешает им раскрывать свои шедевры. Они цепляются за навязчивую идею, что людей нужно убивать, не попадаясь на этом, даже в комнате, полной кинжалов. Иначе в любой лавке ножовщика было бы полно трупов. Кстати, это объясняет разновидность убийства, которое нельзя предотвратить, хотя вину все равно перекалывают на несчастных полицейских, которые что-то недоглядели. Когда безумец убивает короля или президента, это нельзя предотвратить. Нельзя заставить короля жить в угольном погребе или носить президента в стальной коробке. Любой, кто не прочь стать убийцей, может прикончить его. В этом безумец похож на мученика: он тоже не от мира сего. Настоящий фанатик всегда может убить любого, кого захочет.

Прежде чем священник успел ответить, в комнату ввалилась компания жизнерадостных коммивояжеров, резвящихся, словно стая дельфинов, и зычный бас крупного, сияющего здоровяка с такой же крупной и сияющей галстучной булавкой подействовал на управляющего, как свист хозяина на послушного пса. Он примчался с такой быстротой, на которую полицейский в штатском не мог и надеяться.

– Прошу прощения, мистер Джукс, – произнес управляющий с подобострастной улыбкой и откинул прядь густо лакированных волос, упавшую на лоб. – У нас сейчас не хватает рук, и мне приходится самому присматривать за всем.

Мистер Джукс был громогласен, но щедр: он заказал выпивку для всех, даже для почти раболепного управляющего. Мистер Джукс представлял очень известную и модную фирму, торгующую вином и крепкими напитками, и с полным основанием мог считать себя хозяином в таком месте. Он завел шумный монолог, объясняя управляющему, как нужно управлять гостиницей, а остальные прислушивались к его авторитетному мнению. Полисмен и священник устроились на низкой скамье за столиком в глубине зала, откуда наблюдали за событиями вплоть до того момента, когда инспектору пришлось самым решительным образом вмешаться в ход событий.

Вскоре, как уже упоминалось, в баре появились две поразительные фигуры, похожие на привидения: смуглый азиат в зеленом тюрбане и священник-нонконформист. Они были похожи на вестников злого рока, несущих беду. Свидетелем этого знамения стал молчали-

вый, но наблюдательный мальчик, последний час подметавший крыльцо, дабы не утруждать себя другими делами, толстый сумрачный бармен и дипломатичный, но рассеянный управляющий.

По утверждению скептиков, привидения имеют совершенно естественные причины. Человек с гривой соломенных волос в полуклерикальном облачении был известен в роли не только пляжного проповедника, но и современного пропагандиста. Это был не кто иной, как преподобный Дэвид Прайс-Джонс, чей широко известный лозунг гласил: «Трезвость и Очищение для Нашей Родины и Британцев во Всем Мире». Он имел репутацию превосходного оратора и организатора, одержимого идеей, которая уже давно должна была привлечь поборников трезвого образа жизни. В соответствии с этой идеей подлинные сторонники сухого закона должны были воздать должное пророку Мохаммеду, который, вероятно, был первым трезвенником на свете. Преподобный связался с лидерами мусульманской религиозной мысли и в конце концов убедил одного выдающегося исламского деятеля приехать в Англию и выступить с лекциями о мусульманском запрете на винопитие. (Одно из имен этого деятеля было Акбар, а остальное представляло собой непере译имое звукослияние с перечислением атрибутов Аллаха.) Никому из вновь пришедших определенно не приходилось раньше бывать в баре, но они попали сюда волею случая, предполагая, что зашли в добропорядочную чайную комнату, но были препровождены в недавно отделанный салун. Наверное, все было бы хорошо, если бы великий трезвенник в блаженном неведении не подошел к стойке бара и не попросил стакан молока.

Хотя коммивояжеры были людьми добродушными, они невольно застонали. По залу поползли шуточные шепотки вроде «держись подальше от дурака, который просит молока» и «лучше приведите ему корову». Однако величественный мистер Джукс, чье благосостояние в сочетании с галстучной булавкой требовало более утонченного юмора, обмахнулся салфеткой, словно ему вдруг стало душно, и патетическим тоном произнес:

– Что же они со мной творят? Знают ведь, какое у меня хрупкое здоровье. Мой врач говорит, что любое такое потрясение может убить меня. Знают, но все-таки приходят и хладнокровно пьют холодное молоко у меня на глазах!

Преподобный Дэвид Прайс-Джонс, привыкший разбираться с критиками на встречах с общественностью, не нашел ничего лучшего, как прибегнуть к упрекам и увещаниям в этой подвыпившей компании, где царил совсем другая атмосфера. Трезвенник-мусульманин воздержался как от замечаний, так и от спиртных напитков, чем, безусловно, выказал свое достоинство. Фактически в его лице исламская культура одержала тихую победу; он настолько больше напоминал джентльмена, чем коммерсанты, что его аристократическая отстраненность начала вызывать глухое возмущение, а когда Прайс-Джонс перешел на личности, напряжение стало почти физически ощутимым.

– Я спрашиваю вас, друзья мои, – произнес Прайс-Джонс с широким жестом публичного оратора, – почему наш восточный друг, которого вы видите здесь, подает нам пример истинно христианского смирения и самообладания? Почему он являет собой образец подлинного христианства, настоящей утонченности и джентльменского поведения посреди всех ссор и буйств в таких значных местах? Потому что, какими бы ни были наши доктринальные различия, на его родной почве никогда не возрастал нечестивый росток хмеля или виноградной лозы, проклятый...

В этот решающий момент в зале появился краснолицый и седовласый Джон Рэггли, буревестник сотен бурных споров и завсегдатай трактирных склок. В старомодном цилиндре, сдвинутом на затылок, и размахивая тростью, словно дубинкой, он ворвался в салун как победоносная армия.

Джон Рэггли считался местным чудачком. Он был из тех людей, которые пишут письма в газеты, где их не печатают. Впоследствии эти письма появляются в виде гневных памфле-

тов со множеством печаток, изданных за собственный счет и заканчивающих свой путь в сотнях мусорных ведер. Он ссорился с консерваторами и радикалами, ненавидел евреев и не доверял практически ничему, что продается в магазинах и даже в трактирах. Но за его выходками стояли факты: он знал все закоулки и любопытные подробности в жизни графства и к тому же отличался изрядной наблюдательностью. Даже управляющий по фамилии Уиллс испытывал определенное уважение к мистеру Рэггли, справедливо полагая, что пожилым джентльменам можно простить их причуды. Конечно, это не имело ничего общего с подобострастным почтением перед громогласным Джуксом, который был очень выгодным клиентом, но по крайней мере управляющий старался избегать ссор со старым ворчуном, отчасти из страха перед его острым языком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.